

ВЗГЛЯД В ЗАВТРА

«Одураченный муж» открывает театр

Вот два факта, что меж собой, на первый взгляд, никак не связаны. Третьекурсник Молдавского института искусств Илья Хаджи, кстати, невероятно похожий на молодого Пушкина, со слезами отказался играть в фильме самого Эмиля Лотяну. И еще: в Буджакских степях зрители аплодируют Мольеру. Его комедия «Жорж Данден, или Одураченный муж» в переводе на гагаузский язык писателя Дениса Танасоглу идет при переполненных залах. Зрители плачут, но не только от смеха, еще и от исполнения желаний. Но обо всем по порядку.

Конечно, я мог бы назвать эту корреспонденцию строже и без подтекста. К примеру, «Жан-Батист говорит по-гагаузски». И это было бы тоже в точку: язык гагаузов по воле нашей национальной политики за советское многолетие практически подошел к рубежу, за который полное исчезновение. И несогласие с языковой политикой, насильственно насаждаемой официальным Кишиневом, практически привело к созданию Гагаузской республики, никем не признанной, но и не отрицаемой.

Так вот, третьекурсники, нет, с осени — уже четверокурсники гагаузской группы, обучающиеся у педагога Валерия Могутенко на кафедре режиссерского и актерского мастерства с успехом сыграли «Жоржа Дандена», и обычный курсовой спектакль в учебном театре, куда и вход-то через сцену, стал серьезной заявкой на создание первой в истории гагаузского народа театральной труппы. Нет, первая уже была, но она последний раз выступила почти семьдесят лет назад — в 1922 году. Это, согласитесь, история. И программа возрождения культуры этого самобытного народа, живущего компактно истари на юге бывлой Бессарабии, нынче — на юге Молдовы и Украины, включает создание театра как такового. Правда, это было задачей «на потом». Но только не для энтузиастов.

Валерий Могутенко, русский режиссер и педагог, сам собрал на гагаузском юге парней и девчат, склонных к высокому искусству, ничего, кроме профессии культработника, им не обещая. Создание артистической группы

шло исподволь, и она формировалась из студентов, что «живьем» спектакли увидели разве что на первом курсе института. От сцен различных спектаклей они пришли к Мольеру, к пьесе, трудной не только для такого юного возраста. Илья Хаджи исполнял заглавную роль, и это стало причиной его отказа сняться в кино.

На курсовой спектакль были приглашены депутаты-гагаузы из молдавского парламента, руководители гагаузского национального движения, и они были поражены такой драматургией жизни: пока они витийствовали, во сколько обойдется хозяйству Гагаузии создание профессионального театра, он, оказывается, уже зрел в глубинах института, и студенты со своих стипендий шили себе костюмы, сооружали декорации и заводили сундуки — первое хозяйство для будущего своего репертуара.

Обсуждение студенческой работы практически вылилось в производственное совещание, как за оставшиеся два года обучения создать в Комрате, административном центре Гагаузии, театр, построить дом для артистов. Казалось бы, узкая национальная задача нашла поддержку у студентов других национальностей. Вот, к примеру, роль слуги Копена замечательно сыграл румын из Черновиц, студент Стефан Остафчук, изучивший свою роль по-гагаузски. Роль пока больше, чем исполнителей. Но растет и новая поросль — первый учебный год заканчивает группа гагаузских студентов, руководимая народным артистом Молдовы Петром Баранчи.

Звучит в старинной комедии нынешняя гагаузская речь, и зритель, пришедший с поля в колхозный клуб, смеется и плачет: жизнь народа продолжается. Слово Валерию Могутенко:

— Я счастлив не менее своих студентов. Появилась высокая цель. Будем создавать багаж будущего театра. Театр без отпуска. Зимой — учеба, а летом — гастроли в благодатной Буджакской степи...

КИШИНЕВ.

Вадим ЛЕТОВ.
(Соб. корр. «ЭС»).